

В.В. Робустова, А.А. Танюшина

ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ КАК ОСНОВА КОНЦЕПЦИИ СПИРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; nikarbs@yandex.ru; a.tanyushina@gmail.com*

Аннотация: Междисциплинарные исследования в области изучения сознания и способов его объективации с помощью вербальных и невербальных кодов представляются особенно продуктивными на стыке лингвистики и философии, психологии и биологии, медицины и нейронаук. Языковое сознание рассматривается в работах Е.С. Кубряковой (2012), Р.И. Павилёниса (1983), Л.С. Выгодского (2018), А.Н. Леонтьева (1957). Подробно осмысляются информационные теории сознания в философии, проанализированы работы Д.А. Фодора (1987), Ф. Дретске (1981), Д.И. Дубровского (2015), Д. Чалмерса (2013). Обосновывается использование информационной теории сознания в качестве основы концепции спирального развития значения имени собственного. Рассматривается понятие ономастического знания, приведены концептуально-сложные структуры, лежащие в основе ментальных репрезентаций ономастического знания. Вводится понятие ономастического сознания как части языкового сознания, отвечающего за формирование и развитие ономастической компетенции. Дается определение ономастической компетенции как способности кодирования с помощью имен собственных информации как индивидуализирующего, так и характеризующего плана, а также способности манипулировать именами собственными во всем многообразии системных и дискурсивных функций для достижения цели коммуникации. Приводится анализ когнитивно-функциональной установки ономастических единиц на примерах романов “Piranesi” С. Кларк и “Once Upon a Time in Hollywood” Кв. Тарантино. Анализируется специфика имени собственного как объективатора сознания и ономастическая компетенция как индикатор сформированности и развитости ономастического сознания, имеющего информационную природу. Согласно информационной теории сознания, ономастическое сознание определяет значение имен собственных.

Робустова Вероника Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; nikarbs@yandex.ru.

Танюшина Александра Александровна — кандидат философских наук, ассистент кафедры теории и истории мировой культуры философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; a.tanyushina@gmail.com.

© Робустова В.В., Танюшина А.А., 2023

Ключевые слова: информационная теория сознания; языковое сознание; ономастическое сознание

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-4

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Робустова В.В., Танюшина А.А. Информационная теория сознания как основа концепции спирального развития значения имени собственного // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 50–66.

Категория сознания является одной из основополагающих тем для изучения в современных науках. Ею занимаются лингвисты и биологи, философы и психологи, представители нейро и когнитивных наук. Междисциплинарный подход к проблеме сознания хоть немного помогает пролить свет на давно интересующие нас вопросы: что же такое сознание? Как оно возникает? Сознание отражает нашу действительность или задает ее? Для лингвистов особенно важными выступают вопросы соотношения сознания и языковой компетенции, что позволяет выделять языковое сознание и разносторонне изучать его с помощью анализа функционирования языка.

«Язык объективирует всю информацию, поступающую к человеку извне с помощью материальных знаков, обеспечивает все виды деятельности с информацией ... В языке окружающая нас действительность предстает в том виде, в котором она воспринята — увидена, осмыслена, понята человеком» [Кубрякова, 2012: 37]. Язык представляется одним из ключей к сознанию человека, по крайней мере способ его внешней объективации. Изучением языка и сознания занимается когнитивная лингвистика. Когнитивная лингвистика — направление, исследующее языковую способность человека как когнитивную способность. К спектру вопросов данного направления традиционно относят изучение представлений знаний в голове человека, их дальнейшей вербальной репрезентации, изучение порождения и восприятия речи, особенностей обработки информации в языке.

«Сознание считается такой составляющей инфраструктуры мозга, в которой сосредоточен весь ментальный опыт, усвоенный человеком за время его жизни и отражающий накопленные человеком впечатления, ощущения, представления и образы в виде смыслов, или концептов единой концептуальной системы. Языковое сознание как совокупность смыслов, имеющих языковую привязку, — только

часть сознания в целом, точно так же, как мышление — только часть ментальных процессов, осуществляемых в сознании» [там же: 28]. Уже в этом высказывании прослеживается идея о сознании как определенном облаке информации, поступающей к человеку по разным сенсорным каналам (визуальному, аудиальному, кинестетическому, осмическому и вкусовому), которая определяет его модели поведения, позволяет ему успешно взаимодействовать с природным и социальным окружающим миром.

Наиболее аргументированной и релевантной для изучения связи между языком и сознанием является теория концептуальной системы и смысла языковых выражений Р.И. Павилёниса. Под концептуальной системой исследователь понимает «непрерывно конструируемую систему информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [Павилёнис, 1983: 279–280]. Концептуальная система — это совокупность всех знаний, мнений, представлений индивида, приобретаемая им довербально, вербально, невербально, предоставляемая средствами различных символических систем, в том числе и языка. Р.И. Павилёнис считал, что сами по себе языковые выражения не имеют значения; язык — средство объективации содержания концептуальной системы индивида. Владеть языком — значит владеть средством кодирования концептов (смыслов) и манипулирования ими. При продуцировании речи языковая единица используется для выражения смысла, актуального для конкретного индивида, с помощью intersубъективных значений языковых единиц [там же]. Концептуальная система Р.И. Павилёниса перекликается с определением сознания Е.С. Кубряковой, что задает формат его осмысления и направления изучения в лингвистике, т.е. в языке.

В психологии сознание рассматривалось в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Г.К. Ушакова. Л.С. Выготский разработал гипотезу о системном и смысловом строении сознания и его развития в онтогенезе. Ученый определяет сознание следующим образом: «... это рефлексия субъектом (человеком) действительности, своей деятельности и самого себя» [Выготский, 2018: 10]. Он подчеркивал, что сознание не формируется вне общества, в качестве основного элемента сознания выделяя значения слов, подчеркивая параллельный процесс развития сознания вместе с развитием речи, в процессе коммуникации с другими людьми.

В своих трудах А.Н. Леонтьев писал: «Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» [Леонтьев, 1975: 60]. Ученый считал, что сознание не возникает одномоментно, а формируется постепенно, по мере усложнения человеческих от-

ношений. «Сознание — это такое отражение действительности, в котором выделяются его объективные, независимые от субъективного состояния свойства и формируется устойчивая картина мира» [там же]. Здесь прослеживается идея о сознании, как некоем внутреннем компасе человека. Полученная с помощью органов чувств извне информация обрабатывается сознанием и возвращается обратно в реальный мир в виде вербальной или невербальной деятельности, выбор форм и способов объективации которой зависит от результатов осмысления полученной информации, которая интерпретируется на основе уже имеющегося информационного багажа, структурированного в сознании человека и детерминированного личностными и коллективными ценностными ориентациями.

Итак, «категория сознания применяется лингвистами для исследования значения языковых знаков. Поскольку сознание основано на мысленном диалоге человека с самим собой, который формируется в процессе общения с окружающими, можно считать, что у языка и сознания общие корни — оба феномена имеют коммуникативную природу» [Пищальникова, Сонин, 2017: 140].

«Сознание неизменно связано с речью и не существует без нее в высших своих формах. Одной из характеристик сознания является осмысленность представляемого или осознаваемого, т.е. его словесно-понятийная означенность, наделенность определенным смыслом, связанным с человеческой культурой» [там же]. Язык и речь формируют два разных, но взаимосвязанных между собой пласта сознания: систему значений и систему смыслов слов. «Если считать, что сознание это в первую очередь осознание, то мы опять наталкиваемся на огромный разрыв между хорошо изученным психофизиологией восприятием и фактически никак не изученным осознанием (субъективной реальностью)» [Черниговская, 2016: 358]. В работах профессора рассматриваются вопросы соотношения сознания и нейронной сети, роль языковой компетенции человека. Анализируя работы Ч. Дарвина, А. Маранца, Д. Лорица, автор подчеркивает, что «основные эволюционные приобретения человека следует искать в структуре и функциях головного мозга, обеспечивающего сознание. Язык является дифференцирующим признаком, характеристикой человека как вида ... Способность связывать определенные звуки с определенными идеями базируется на развитии ментальных способностей вообще» [там же: 340]. Формирование любых концептов требует языка для их дифференциации и номинации. Развитие сознания тесно связано с социальным обучением и формированием адекватного поведения в социуме.

Изучение сознания невозможно вне его философского осмысления. Рассмотрим существующие сегодня концепции, вопросы и на-

правления исследований в этой области. В современной философии проблема сознания наиболее активно исследуется в рамках аналитической традиции. Будучи изначально ориентированной на достижения естественных наук, в число которых входят, в частности, нейробиология и когнитивистика, аналитическая философия сознания разрабатывает различные подходы к интерпретации нашего субъективного опыта, выявлению фундаментальных характеристик ментальных состояний и описанию их связи с физической активностью живых организмов. На сегодняшний день наиболее актуальной проблемой для данной области философского знания является определение природы феноменального сознания, которое определяется как уникальное переживание от первого лица или определенный опыт, который можно обозначить с помощью выражения «каково это быть» в некотором сознательном состоянии: каково это чувствовать боль, слышать громкий звук или видеть красный цвет [Nagel, 1986].

За последние десятилетия сформировалось несколько ключевых подходов к объяснению природы подобных форм ментальности: большинство ученых и философов придерживается физикалистской позиции, согласно которой феноменальные переживания можно редуцировать к некоторым физическим явлениям (например, нейронной работе нашего мозга). Наиболее радикальными вариантами физикализма являются иллюзионизм и элиминативизм, по которым большая часть наших субъективных переживаний попросту не существует, а наши представления о них во многом сформированы «народной психологией» и повседневными коммуникативными практиками (наиболее известными сторонниками подобных подходов являются Д. Деннет, К. Франкиш, супруги Пол и Патрисия Черчленд).

Другая группа философов ставит под сомнение возможность сведения внутренних переживаний к простой работе физически обусловленных нейронных структур. Сторонники нередуктивных подходов к толкованию сознания (Н. Блок, Ф. Джексон, С. Шумейкер, Д. Чалмерс и др.) обычно ссылаются на различные мысленные эксперименты, призванные продемонстрировать, что даже самое подробное описание функционирования нашего когнитивного аппарата не сможет дать ответ на вопрос о причинах возникновения сложных феноменальных переживаний: речь идет в первую очередь о мысленных экспериментах «Летучая мышь», «Нейроученый Мэри», «Философский зомби» и др. [Иванов, 2013].

Кроме того, так называемый провал в объяснении (выражение, впервые введенное американским философом Джозефом Левином в 1983 г.), продемонстрировавший фундаментальный разрыв между

терминологическими словарями эмпирических наук, философии и наших повседневных речевых практик, в принципе поставил под сомнение потенциальную возможность когда-либо разгадать «загадку сознания». Эта проблема привела исследователей к осознанию потребности в поиске общей категории, с помощью которой могли бы быть описаны как субъективные, так и структурно-организационные аспекты ментальных явлений. Именно эта потребность в свое время способствовала росту популярности информационных теорий сознания.

Еще в середине прошлого столетия, когда были сформулированы ключевые идеи компьютерной теории, математической теории коммуникации и кибернетики, представители когнитивных наук активно интегрировали информационный концептуальный аппарат в свои построения, а философы, отказавшиеся от идей классического бихевиоризма, начали развивать подходы к описанию сознания в функционально-вычислительных терминах и толковать феноменальный опыт как обладающий информационной природой. Так появились информационные концепции сознания таких философов, как Х. Патнэм, З. Пылишин, Д. Марр, К. Сейр и др.

Объединение достижений биологии, психологии и когнитивной лингвистики, происходившее в рамках когнитивной революции 1950–1960-х годов, также способствовало значительной трансформации естественнонаучных и философских представлений о сознании. Так, американский философ и психолингвист Д.А. Фодор в 1970-е годы представил концепцию вычислительного репрезентативизма, определявшую ментальные процессы как символические и формальные вычислительные операции, производимые над языком мышления (*language of thought*). Свою идею о существовании простейших ментальных выражений, в совокупности образующих систематические психолингвистические связи, Д.А. Фодор соединил с набиравшим популярность экстерналистским подходом к трактовке субъективных содержаний, описывающим механизмы получения мозгом информации из окружающей среды [Fodor, 1987: 115–118].

Похожую идею, связанную с применением математической теории информации для объяснения появления содержательных аспектов сознания, предложил и философ Ф. Дретске в работе «Знание и поток информации» [Dretske, 1981]. Целью Ф. Дретске было показать, каким образом когнитивный агент, воспринимающий некоторый информационный сигнал, осуществляет его обработку, вследствие чего в его мышлении фиксируется устойчивый ментальный контент. Семантическое толкование информационных сигналов, полученных из внешнего мира, закрепляется как в результате филогенетической эволюции организмов, так и в процессе последователь-

ного индивидуального обучения: к примеру, некоторый человек, увидевший уже знакомый ему объект X, понимает, что этот объект — именно «аист», а не «журавль», в то время как человек, никогда не видевший аиста, скорее спутает его с журавлем. Подобные репрезентации могут быть неконцептуальными (как ощущения и сенсорные переживания, закрепившиеся эволюционно) и концептуальными (приобретенные в процессе воспитания и обучения убеждения, навыки, знания). Таким образом, по Ф. Дретске, весь ментальный опыт можно свести к определенному набору репрезентаций, сформированному в результате когнитивной адаптации полученных агентом информационных сигналов.

В отечественной философской науке наиболее известным сторонником информационной теории сознания является Д.И. Дубровский. Определяя сознание как нашу субъективную реальность, Д.И. Дубровский показывает, что все внутренние переживания могут расцениваться как информация. Любая информация, согласно исследователю, всегда реализуется физически: в случае сознания его материальным носителем являются нейронные системы нашего мозга, что тем не менее не означает, что соответствующая информация потенциально не может быть воплощена на каких-либо других носителях (например, должным образом организованных силиконовых компьютерных чипах или любых других функционально изоморфных структурах) [Дубровский, 2015: 42]. Как и Ф. Дретске, Д.И. Дубровский говорит о необходимости преобразования полученного из окружающего мира информационного стимула, вследствие которого возникает качественно новый тип сигнала, который и воспринимается как индивидуальный субъективный опыт. Без подобной обработки информация не будет обладать должной каузальной силой и, следовательно, не сможет оказывать эффективного влияния на физическое поведение организма. Таким образом, именно субъективные ментальные переживания, по Д.И. Дубровскому, являются залогом его функционально-организационной целостности.

С данной позицией, однако, соглашаются далеко не все исследователи. Так, американский философ Д. Чалмерс, в 1994 г. сформулировавший знаменитую «трудную проблему» сознания, задается следующим вопросом: «Почему информационные процессы непременно должны сопровождаться приватными ментальными переживаниями?» Д. Чалмерс полагает, что любое информационное описание, основанное на положениях классического редуктивного функционализма, является неполным, так как оно не может дать объяснения базовым причинам возникновения феноменального опыта в результате нейронно-вычислительной активности мозга.

Сам философ предлагает свою версию информационной теории сознания, основанную на идее нередуктивного функционализма, так как полагает, что ментальный опыт хоть и определяется структурой нейронных связей, но, однако, не полностью им обуславливается. Подобные нейронные паттерны являются лишь «каркасом» субъективного опыта, но выявление нейронных и информационных коррелятов сознания все еще не приводит нас к обнаружению фундаментальных законов, определяющих необходимое появление ментального переживания из подобной мозговой активности [Чалмерс, 2013: 363]. В связи с этим Д. Чалмерс допускает, что информация, обрабатываемая нашим когнитивным аппаратом, может быть реализована не только физически, но и феноменально, т.е. может быть описана как объективно (от третьего лица), так и субъективно (от первого лица).

Подобные идеи о необходимой связи информации с ее физическим воплощением и о возможной интерпретации феноменального сознания как информации, безусловно, напоминают ключевые положения теории Д.И. Дубровского. Однако Д. Чалмерс идет дальше, показывая, что феноменальное и физическое — это разные метафизические аспекты одного информационного процесса. В зависимости от того, как мы будем интерпретировать информационные структуры (как непреходящий атрибут любого физического явления или как свойство лишь сложноорганизованных функциональных систем, вроде живых организмов), наше описание фундаментальной природы сознания будет склоняться то в сторону панпсихистских теорий, то в сторону более традиционных для науки физикалистских трактовок. По этой причине информационную концепцию Д. Чалмерса сложно назвать полноценной теорией сознания: скорее ее следует рассматривать как своеобразную методологическую и концептуальную базу для дальнейших междисциплинарных исследований ментального опыта.

Информационная теория сознания, определяющая сознание как субъективную реальность и постулирующая возможность оценивания всех внутренних переживаний как информации (Д.И. Дубровский), задает фундаментальную опору антропоцентрического подхода к языку. Антропоцентризм «связывает значение языкового знака с содержанием памяти/сознания носителя языка, формирующимся под влиянием ряда факторов, к важнейшим из которых относят культуру социума и психофизиологические функции индивида. Хотя содержание сознания определяется взаимодействием человека с внешним миром, устройство сознания принципиально отличается от устройства внешнего мира» [Пищальникова, Сонин, 2017: 145]. Базовой единицей изучения сознания в когнитивной

лингвистике выступает концепт как продукт анализа работы сознания, «стабильный компонент картины мира, выстраиваемый индивидом благодаря особенностям его физиологии и психики в процессе вхождения в социум и культуру» [там же]. Наиболее распространенная сегодня трактовка речевой коммуникации предполагает объяснение успешного взаимодействия между людьми работой человеческого разума (мышления), связывающего языковой знак с гипотетическим фрагментом сознания. Этот фрагмент принято считать значением знака.

Обратим внимание на когнитивно-функциональную установку имен собственных в следующем примере: «... скорость работы электронных схем уже в миллионы раз превышает скорость возбуждения нейронов в мозге ... Пока не видно ни Паскалей, ни Леонардо, ни Шопенгауэров ... для создания хоть какого-то подобия человеческого интеллекта нужно “повторить” не только “левополушарного Феликса”, но и “правополушарного” Анри Бергсона или не влезających ни в какие рамки Моцарта и Пушкина» [Черниговская: 354–355]. Онимы Паскаль, Леонардо и Шопенгауэр были выбраны для вербализации смысла, который можно было бы передать словосочетанием «выдающиеся люди». Для раскрытия концепта **ВЫДАЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК** нужны страницы описаний достижений великих людей в области науки, искусства, философии, но выбранные автором личные имена инкорпорируют и в сжатом виде передают все эти страницы описаний. Таким образом, имена собственные в компрессивном виде транслируют практически безграничный объем информации, степень актуализации которой зависит от фоновых знаний реципиента, а место актуализированной онимами информации на шкале важности реципиента будет определяться его ценностными ориентациями. Подчеркнем, что антропонимы были использованы во множественном числе, что сразу говорит о том, что в фокусе внимания находятся не сами реальные носители этих имен, а их определенные ключевые характеристики, в нашем случае — гениальность и выдающиеся достижения в конкретной области. Использование антропонима для передачи смысла высказывания не только позволяет экономить языковые средства, но и реализует экспрессивную, эстетическую и паролльную функции языка. Включение тех или иных онимов в речь характеризует автора сообщения, представляя эскиз к портрету его языковой личности. Адекватная интерпретация значения имен собственных в акте коммуникации рисует эскиз к портрету реципиента и объема его фоновых знаний.

Мы не будем подробно анализировать когнитивно-функциональную установку использования онимов Феликс, Анри Бергсон, Мо-

царт и Пушкин, так как данные примеры полностью подтверждают высказанную выше мысль. Лишь подчеркнем, что онимы использованы в единственном числе и указывают на своего исходного носителя, что подчеркивает не просто набор определенных характеристик, а высшее качество, непревзойденный уровень мастерства или достижения (если говорить об арифмометре в контексте времени его создания).

Возможность использования имен собственных в оценочной или характеризующей функциях определяется особенностями структуры их значения, в котором мы выделяем языковой и внеязыковой компонент. Благодаря влиянию как внеязыкового пространства, так и субъективной реальности значение имени собственного способно развиваться по спирали, накапливая всю информацию о субъекте/объекте реального/вымышленного мира. Разрабатываемая нами концепция спирального развития значения имени собственного позволяет выявить и объяснить источники и причины развития значения онима. Подчеркнем, что в нашем случае развитие не равно расширению. Говоря о развитии, мы имеем в виду всю существующую информацию о носителе имени собственного, но в коммуникации будет актуализироваться только наиболее важная информация для понимания сообщения в целом. Актуальное значение онима может сужаться под влиянием коммуникативных процессов, но его потенциальный семантический объем способен развиваться без границ, ведь человек готов «играть» с именами, использовать их в качестве метафоры или просто использовать уже существующий оним для номинации другого субъекта/объекта, тем самым развивая семантический потенциал языковой единицы.

Рассмотрим пример из романа “Piranesi” С. Кларк. Философская проблематика произведения остается за рамками настоящей статьи, хотя оно поднимает важнейшие проблемы философии сознания, обратимся лишь к примерам использования имени собственного. Ключевая идея произведения раскрывается в имени. Герой живет в «другом» мире, но не дает в нем объектам имен собственных, так как, с одной стороны, пространство его мира ограничено (нет необходимости в индивидуализации объектов), а с другой стороны, у него нет информационного багажа, нет опыта, фоновых знаний, на которые он мог бы опереться. Единственный несчастный собеседник называет его *Piranesi*, но в сознании героя не происходит активации информации о Джованни Баттиста Пиранези, итальянском археологе и архитекторе, мастере в жанре фантастических архитектурных пейзажей, так как в нем нет соответствующих фоновых знаний, нет информации, что еще раз подчеркивает актуальность информационной теории сознания для исследования данного фено-

мена. Спасшую его героиню зовут *Raphael*, но и здесь не происходит активация богатейшей информации о великом итальянском живописце (как и о популярной черепашке-ниндзя вместе с его друзьями Донателло, Микеланджело и Леонардо), сознание пусто, в нем нет необходимой информации для интерпретации онима, значение онима не развивается.

Одним из первых вопросов, задаваемых для выяснения адекватности сознания человека, является вопрос о его имени, фамилии, месте жительства и возрасте. На оставленный героиней вопрос: “*Are you Matthew Rose Sorensen?*” следует ответ: “*How could I possibly answer this question when I had no idea who Matthew Rose Sorensen was*” [Clarke, 2021: 163]. Поиск себя, потеря сознания, самосознания, обретение нового себя через развитие нового сознания в процессе исследования окружающего мира — со всем этим герой сталкивается и это отражается в его реакции на имена собственные. После пережитых вместе событий у героя складывается следующее представление о спасшей его героине.

“I think of Raphael and an image — no, two images rise up in my mind. In Piranesi’s mind Raphael is represented by a statue in the forty-fourth western hall. It shows a queen in a chariot, the protector of the people. She is all goodness, all gentleness, all wisdom, all motherhood. That is Piranesi’s view of Raphael, because Raphael saved him. But I chose a different statue. In my mind Raphael is better presented by a statue in an antechamber that lies between the forty-fifth and the sixty-second northern halls. This statue shows a figure walking forward, holding a lantern. It is hard to determine with any certainty of the gender of the figure; it is androgynous in appearance. From the way she (or he) holds up the lantern and peers at whatever is ahead, one gets the sense of a huge darkness surrounding her; above all I get the sense that she is alone, perhaps by choice or perhaps because no one else was courageous enough to follow her into the darkness” [Clarke, 2021: 242]. Данный пример показывает, что благодаря пережитым вместе событиям у героя сформировался определенный образ героини, точнее два образа, так как внутри героя живут две личности, одна исходная, а вторая приобретенная в «другом» мире (однако для героя исходной остается вторая), два сознания обрабатывают/осмысливают одни и те же события его жизни, получая на выходе разный результат.

Умение оперировать именами собственными в коммуникации, использовать их не только в прямой функции номинации для индивидуализации субъекта/объекта, но и реализации игровой, юмористической, характеризующей, парольной, эстетической и других функций языка, формируется благодаря ономастической компетенции, в основе которой лежит ономастическое знание. А.С. Щербак

вводит термин «ономастические знания», который определяет как «значение имени собственного и все, что с ним связано. Это результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта использования имен собственных» [Щербак, 2012: 200]. Ономастическое знание динамично и способно к развитию под влиянием внеязыковой действительности. Еще один пример спирального развития значения имени собственного мы видели в примере с использованием имен черепашек-ниндзя. Этот процесс можно считать бесконечным, так как нет предела креативной активности человека.

Подчеркнем, что имя собственное способно выступать основой интертекстуальности. «Интертекстуальность, т.е. ссылка на другие тексты, является сложным когнитивным феноменом и в то же время одним из важнейших компонентов человеческого мышления. Ее главной функцией традиционно признается установление коммуникативного взаимодействия, диалога между цитирующим и цитируемым авторами и между их эпохами и культурами» [Молчанова, 2021: 12]. Употребление имени вызывает в памяти пучок ассоциаций, связанных с субъектом/объектом, носящим это имя. Значение онима основывается на содержании памяти, ассоциативно так или иначе связанном с ним: с антропонимическими, топонимическими и иными характеристиками обладателя онима.

Имена собственные относятся к языковым знакам, способным формировать языковые категории, следовательно, «представляют собой определенные формы осмысления мира в языке, т.е. формы языкового сознания и форматы знания особого типа — языкового знания» [Болдырев, 2009: 29–30]. Знание, представленное с помощью имен собственных, имеет в своей основе концептуально-сложную структуру, в основе моделей активации которой могут лежать как фреймы и сценарии, так и интегративные виды концептуальных структур (категория матрица) в зависимости от функции онима в дискурсе: вербализация концепта, конструирование ситуации, проецирование определенной рамки восприятия и т.д. Представляется возможным говорить об ономастическом сознании как части языкового сознания, имеющем информационную природу.

Ввиду специфики значения имени собственного (наличия языкового и внеязыкового компонентов) ономастическое сознание можно определить как систему информации, вербализованную с помощью имен собственных и инкорпорирующую языковое, энциклопедическое, контекстуально обусловленное и субъективно маркированное значение онима. Ономастические знания хранятся в ономастическом сознании в виде определенных структур, извлечение которых активируется употреблением имени собственного

в речи, а распознавание и узнавание онима, его хранение как определенного триггера для конкретного блока информации обеспечивается памятью. «Человеческое мышление прибегает к нарративному воображению — иносказанию, аналогии, метафоре и т.п. постоянно, но незаметно, поскольку сам повседневный жизненный опыт организован в виде нарративного потока» [Молчанова, 2020: 13]. Имена собственные часто формируют такой нарративный контекст или выступают для усиления экспрессии в качестве основы аналогии или метафорического переноса при использовании их в непрямой функции номинации.

Развитие ономастического сознания определяет уровень сформированности ономастической компетенции, которая является частью языковой компетенции. Способны ли мы понять следующие примеры, зависит от наличия/отсутствия информации о носителях онимов в нашем сознании. *“I am in the Hollywood-royalty business. Van Johnson — Joseph Cotten — Farley Granger — Russ Tamblyn — Mel Ferrer. The agent says each name as if he is reciting the names of the faces carved on Hollywood’s Mount Rushmore”* [Tarantino, 2021: 9]. Впечатлены мы клиентами продюсера или нет, зависит от наличия ономастического знания в нашем сознании. *“It’s a gift. From Joseph Cotten ... I recently got him both a Sergio Corbucci picture and an Ishiro Honda picture, and this was a token of his gratitude”. “Those names meant nothing to Rick”* [там же: 8]. Понимаем ли мы, в какой ситуации оказался герой, зависит от наполнения нашего сознания. *“I don’t enjoy this story as much as everybody else seems to”, Rick confessed. “I mean, if I were Cesare Danova — fair enough. But my situation ain’t his situation. ... But you can say Cesare Danova was almost Ben-Hur because he almost was. But his situation wasn’t my situation”* [там же: 373]. Чувствуем ли мы, каким актерским дарованием обладал герой, зависит от знакомства с информационным и интерпретирующим потенциалом онима. *“By the summer of ’69, Aldo had fallen pretty far from his former heights during the fifties starring opposite Bogart, Tracy and Hepburn, Rita Hayworth, Anne Bancroft, and Judy Holliday”* [там же: 338].

Ономастическую компетенцию определим как способность декодировать и интерпретировать адекватно коммуникативному контексту информацию, стоящую за именем собственным, а также способность манипулировать именами собственными во всем многообразии функций языка и речи. Наиболее распространенная сегодня трактовка речевой коммуникации предполагает объяснение успешного взаимодействия между людьми работой человеческого разума (мышления), связывающего языковой знак с гипотетическим фрагментом сознания. Этот фрагмент принято считать значением знака, в нашем случае — знака, вербализованного именем собственным.

Ономастическая компетенция напрямую зависит от степени развития ономастического сознания, и ее непрерывное развитие является обязательным залогом успешной коммуникации, так как внеязыковая действительность постоянно изменяется, добавляя все новые и новые значения в ономастическую спираль. Фундаментальной для развития концепции спирального развития значения имени собственного представляется теория информационного сознания, так как именно в ней сознание осмысливается с точки зрения информационной насыщенности/информационной природы и представленности в нем образа субъективного/объективного мира. Значение имени собственного определяется ономастическим сознанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: Колл. монография. М.; Тамбов, 2009.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. СПб., 2018.
3. *Дубровский Д.И.* Проблема «Сознание и мозг»: теоретическое решение. М., 2015.
4. *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания. М., 2013.
5. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М., 2012.
6. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
7. *Молчанова Г.Г.* Типы и техники мемовтики как механизма формирования нового знания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 9–22.
8. *Молчанова Г.Г.* Интертекстуальность и мифотехнологии в постмодернистском тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 9–18.
9. *Павилёнис Р.И.* Проблема смысла: Логико-функциональный анализ языка. М., 1983.
10. *Пищальникова В.А., Сонин А.Г.* Общее языкознание. М., 2017.
11. *Чалмерс Д.* Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / Пер. В.В. Васильева. М., 2013.
12. *Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М., 2016.
13. *Щербак А.С.* Ономастический концепт как структура организации и хранения ономастических знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. Категоризация мира в языке: Колл. монография. М.; Тамбов, 2012.
14. *Clarke S.* Piranesi. L., 2021.
15. *Dretske F.* Knowledge and the Flow of Information. MA: Massachusetts Institute of Technology. 1981.
16. *Fodor J.* Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1987.
17. *Nagel T.* The View from Nowhere. N.Y., 1986.
18. *Tarantino Q.* Once Upon a Time in Hollywood. L., 2021.

Veronika V. Robustova, Alexandra A. Tanyushina

**INFORMATION THEORY OF CONSCIOUSNESS
AS THE BASIS FOR THE CONCEPTION
OF A PROPER NAME MEANING SPIRAL DEVELOPMENT**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; nikarbs@yandex.ru;
a.tanyushina@gmail.com*

Abstract: Interdisciplinary research in the field of consciousness and ways of its representation using verbal and nonverbal codes seems to be particularly fruitful at the intersection of linguistics and philosophy, psychology and biology, medicine and neuroscience. Linguistic consciousness is considered in the works of E.S. Kubryakova (2012), R.I. Pavilionis (1983), L.S. Vygotsky (2018), A.N. Leontiev (1975). The information theories of consciousness in philosophy are analyzed in the works of D.A. Fodor (1987), F. Dretske (1981), D.I. Dubrovsky (2015), D. Chalmers (2013). The information theory of consciousness is applied as the basis of the conception of the spiral development of the meaning of a proper name. The concept of onomastic knowledge is analyzed, the conceptual complex structures, which serve as a basis for the mental representations of onomastic knowledge, are given. The concept of onomastic consciousness is introduced as part of the linguistic consciousness responsible for the formation and development of onomastic competence. The definition of onomastic competence is given as the ability to encode information using proper names, both of individualizing and characterizing nature, as well as the ability to manipulate proper names in all variety of systemic and discursive functions to achieve the goal of communication. The analysis of the cognitive-functional specifics of proper names is given on the examples of the novels “Piranesi” by S. Clark and “Once Upon a Time in Hollywood” by Q. Tarantino. The specifics of the proper name as an objectifier of consciousness and onomastic competence as an indicator of the formation and development of onomastic consciousness are analyzed. According to the information theory of consciousness, onomastic consciousness determines the meaning of proper names.

Key words: information theory of consciousness; linguistic consciousness; onomastic consciousness

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Robustova V.V., Tanyushina F.F. (2023). Information theory of consciousness as the basis for the conception of a proper name meaning spiral development. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2023, vol. 26, no. 4, pp. 50–66. (In Russ.)

About the authors: Veronika V. Robustova — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; nikarbs@yandex.ru; *Alexandra A. Tanyushina* — PhD in Philosophy, Assistant of the Department of Theory and History of World Culture of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University; a.tanyushina@gmail.com.

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. 2009. *Konceptual'naya osnova yazyka* [The Conceptual Basis of the Language]. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Konceptualizaciya mira v yazyke: kolektiv. monogr. Moscow, I-nt yazykoznaniya RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.I. Derzhavina. (In Russ.)
2. Vygotskij L.S. 2018. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Piter: Mastera psihologii. (In Russ.)
3. Dubrovskij D.I. 2015. *The problem of "Consciousness and the brain": a theoretical solution* [The Problem of "Consciousness and Brain": a Theoretical Solution]. Moscow, "Canon+". (In Russ.)
4. Ivanov D.V. 2013. *Priroda fenomenal'nogo soznaniya* [The Nature of Phenomenal Consciousness]. Moscow, Knizhnyj dom "LIBROKOM". (In Russ.)
5. Kubryakova E.S. 2012. *V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Essence of Language: Cognitive Research]. Moscow, Znak. (In Russ.)
6. Leont'ev A.N. 1975. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality]. Moscow, Politizdat, 1975. (In Russ.)
7. Molchanova G.G. 2020. Tipy i tekhniki memetiki kak mekhanizma formirovaniya novogo znaniya [Types and Techniques of Memetics as a Mechanism for the Formation of New Knowledge]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–22. (In Russ.)
8. Molchanova G.G. 2021. Intertekstual'nost' i mifotekhnologii v postmodernistskom tekste [Intertextuality and Mythotechnologies in the Postmodern Text]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)
9. Pavilyonis R.I. 1983. *Problema smysla: Logiko-funktional'nyj analiz yazyka* [The Problem of Meaning: Logical-Functional Analysis of the Language]. Moscow, Mysl'. (In Russ.)
10. Pishchal'nikova V.A., Sonin A.G. 2017. *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics]. Moscow, R. Valent. (In Russ.)
11. Chalmers D. 2013. *Soznayushchij um. V poiskah fundamental'noj teorii* [The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory]. Per. V.V. Vasil'eva. Moscow, URSS: Knizhnyj dom "LIBRIKOM". (In Russ.)
12. Chernigovskaya T.V. 2016. *Cheshirskaya ulybka kota SHryodingera: yazyk i soznanie* [The Cheshire Smile of Schrodinger's Cat: Language and Consciousness.]. Moscow, Izdatel'skij Dom YASK: YAzyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
13. Shcherbak A.S. 2012. *Onomasticheskij koncept kak struktura organizacii i hraneniya onomasticheskikh znaniy* [Onomastic Concept as a Structure of Organization and

Storage of Onomastic Knowledge] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. Kategorizaciya mira v yazyke: kollektiv. monogr. Moscow, I-nt yazykoznaniya RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.I. Derzhavina.

Статья поступила в редакцию 23.06.2023;
одобрена после рецензирования 23.07.2023;
принята к публикации 24.07.2023

The article was submitted 23.06.2023;
approved after reviewing 23.07.2023;
accepted for publication 24.07.2023